

Раздел 2.
КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ.
СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В. М. Шаклеин

О ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННЫХ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Известно, что развитие наук, в основе которых находится гуманитарное знание, в последние десятилетия XX — начале XXI века отличалось исходными типологическими характеристиками. Эти характеристики определили общую для всех гуманитарных наук эволюционную парадигму, одним из итогов которой стала постановка задачи построения “теории всего” [1].

Анализируя направленность гуманитарного знания к универсальности, можно предположить, что первым шагом на этом пути становится синкретизм научных направлений, отличающихся в отношении друг к другу структурно-функциональным подобием. Так, квантовая физика изоморфно близка теории возможных миров, а эволюционная теория Ч. Дарвина — современной теории познания. Указанное структурно-функциональное подобие проистекает из изоморфизма предметов их исследования.

Лингвистика не выходит за рамки общего контекста гуманитарного знания, поскольку и здесь найдены свои изоморфные предметы исследования. Так, В. Н. Телия, В. А. Маслова указывают на структурно-функциональное сходство языка и культуры: язык и культура взаимоотражаются и не существуют вне взаимного диалога; язык и культура имеют индивидуальные и социализированные формы бытования; и языку, и культуре свойственны информатизм, историзм, нормированность, способность быть носителем менталитета этноса [2, с. 225-226; с. 35-37, 39]. По определению В. В. Воробьева, лингвокультурология является комплексной научной дисциплиной, изучающей взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка [3, с. 4]. Справедливость этой мысли также подтверждается тем, что “в отношении друг к другу язык и культура прежде всего представляются факторами взаимного развития и существования” [4, с. 16].

Конечно, сам термин лингвокультурология отражает лишь этап в закономерном синтезе уже существовавших направлений лингвистики, например, этнолингвистики, лингвострановедения, социолингвистики. Вместе с тем современная лингвокультурология выступает как новая самостоятельная парадигма исследовательского подхода и взаимосвязи языка и культуры.

Следует помнить, что почти все указанные научные направления в лингвистике еще продолжают развиваться, вырабатывать свои законы, терминологическую базу. Понимая подобное положение, например, этнолингвистики, Н. И. Толстой в свое время подчеркивал ее как бы начальное состояние, говорил, что в настоящее время только собирается материал для будущих поколений этнолингвистов, которые сделают ожидаемый качественный шаг [5, с. 181].

Большая же часть этнолингвистических исследований, разумеется, не имеет отношения к накоплению материала, а служит отражением другого процесса, в основе которого лежит общественный интерес ко всему национальному, этническому. Корни этого процесса уходят не только в собственно научный интерес исследователей, но и отражают иногда моду на тип духовности. Неслучайно вершинами развития этнолингвистики были так называемые застойные 70-е начало 80-гг. и самое начало 90-х XX века во время этнических конфликтов на территории бывшего Советского Союза. Нередко декларируемый этнолингвистический поиск национальных культурных корней имел сиюминутный конъюнктурный характер, который необходимо видеть и отделять от собственно научных успехов в этом направлении. К последним, безусловно, следует отнести работу целых коллективов ученых по составлению особого типа словарей [6]. Скорее всего, их составители, а также собиратели различного рода архивов выработали методологическую базу исследований. В целом же отечественная этнолингвистика в настоящее время все еще продолжает вырабатывать свою методологию, свою терминологию, свои законы.

Необходимо отметить, что и лучшие этнолингвистические исследования зарубежных авторов отличаются теми же особенностями.

В 70-80-е годы прошлого века в СССР, как известно, активно развивалось лингвострановедческое направление, существенно отличающееся и от этнолингвистики, и от современной лингвокультурологии. Особенность лингвострановедения заключалась в том, что исследователи стояли не только на позициях лингвистов, но прежде всего они проецировали свои научные изыскания на преподавание русского языка как иностранного.

Последнее обстоятельство и определило специфику лингвострановедения, представляющего “аспект преподавания русского языка иностранцам, в котором с целью обеспечения коммуникативности обучения и для решения общеобразовательных и гуманистических задач лингводидактически реализуется кумулятивная функция языка и проводится аккультурация адресата, причем методика преподавания имеет филологическую природу — ознакомление проводится через посредство русского языка и в процессе его изучения” [7]. Из определения видно, что лингвострановедение является одним из аспектов методики преподавания русского языка в иностранной аудитории. Вместе с изучением языка изучалась, главным образом, определенная культурная среда, познание которой мотивировало интерес к языку. Неслучайно поэтому, наряду с разработкой теоретической базы лингвострановедения, значительное число лингвострановедческих работ имело вид учебных, учебно-методических материалов [8].

Современная лингвокультурология, находящаяся на стыке лингвистики, этнолингвистики, культурологии, лингвострановедения ставит перед собой иные задачи, основной из которых является нахождение механизмов связи языка и культуры [9]. Именно на эти цели и, как следствие, на дальнейшую разработку общепризнанной теоретической базы направлены исследования современных лингвокультурологов.

Наряду с продолжающимися поисками, в лингвокультурологии достигнуты уже определенные научные результаты. Так, сам факт того, что лингвокультурология дистанцировалась от лингвистики, этнолингвистики, лингвострановедения уже свидетельствует об осознании исследователями целей и задач своего направления.

Что же сделано на сегодня в лингвокультурологии? Прежде всего — это подчеркнутая ориентация исследователей на поиск структурно-функциональных подобий, примерную тематическую схему которых в общем виде можно представить следующим образом:

Язык — культура — текст — дискурс — общество — цивилизация — этническая общность — субэтнос — субкультура.

Например, в изоморфии язык — текст — культура многими авторами подчеркивается ряд структурно-функциональных сходжений в этих сущностях: ситуативность, ориентация на внеязыковую действительность; одновременная дискретность и целостность; многократная кодированность; интерпретируемость; совмещение объективного и субъективного; внутренняя противоречивость как основа для рождения нового качества и т. п. [10].

Известная ориентация лингвокультурологии на текст способствовала дальнейшему развитию текстологии. Так, было расширено понятие текста, связанного с контекстом произведения. Стали активно разрабатываться такие научные понятия, как дискурс, супертекст, сверхтекст, совокупность текстов [11, с. 214-230].

Особенность лингвокультурологической парадигмы заключается в том, что достаточно известные языковые и внеязыковые явления, материалы рассматриваются с точки зрения вновь выведенных закономерностей. Иногда авторы в своих научных изысканиях достигают нового качества, иногда известные постулаты облачают в новую словесную упаковку.

Существенным достижением лингвокультурологии можно признать констатацию наличия в ней своего метаязыка, то есть знаковой системы, общей как для культуры, так и непосредственно для языка [12, с. 17-18].

Наиболее признанным и общеупотребительным термином в лингвокультурологических исследованиях можно признать концепт, содержащий в себе “основную ячейку культуры в ментальном мире человека” [13, с. 43]. Ю. С. Степанов в содержании концепта выделяет три структурные составляющие: основной /актуальный/ признак; дополнительные признаки, являющиеся историческими; внутреннюю форму [14, с. 48].

Строго говоря, с теоретической точки зрения, возникшее учение о концептах русской лингвокультуры, разумеется, в целом нового не несет. Так, еще с XIX века известно, что наиболее значимыми и культурно весомыми словами для

русского человека являлись “Бог”, “хлеб”, “душа”, “любовь”, “слово” и т. п. И снова писать о том, что подобные слова отражают духовные устремления русских, казалось бы, не имеет смысла. Вместе с тем очень важно / и Ю. С. Степанов это тонко подметил/, что лингвокультурологи пришли к общему мнению в плане терминологического обозначения подобных слов. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что существует принципиальная возможность выработать универсальную систему лингвокультурологических терминов, поиск которых, как известно, продолжается.

Так, кроме термина концепт общеупотребительными и общепризнанными являются и ряд других терминов.

Например, в лингвокультурологических исследованиях также используется термин “установки культуры”, под которыми понимают культурно и этнически значимые образцы, социальные и духовные ориентиры, культурно-цивилизационные установки мышления, деятельности, предпочтений этнических и субэтнических образований.

Кроме того, используются некоторые термины семиотики / код культуры, знаковая система культуры, гены культуры, культурная популяция, тезаурус культуры и т. д./, дающие основание говорить о культуре как знаковой системе и, соответственно, использовать такой термин, как “язык культуры”, определяемый следующим образом: “разноуровневая знаковая система, образуемая ее текстами, их тезаурусами, кодами и симболярием” / [15, с. 23].

В последнее время часто используются такие термины, как “лингвокультурная компетенция”, “лингвокультурная коннотация”, “культурный фон”, “культурные семы”, “культурная информация”, “лингвокультурная ситуация”, “лингвокультурема”, “лингвокультурное поле” и др.

Все эти термины в работах лингвокультурологов имеют свои объяснения и толкования. Само по себе их возникновение отражает оформление лингвокультурологии как самостоятельного научного направления в лингвистике. Однако следует иметь в виду, что часть используемых в ней терминов представляет собой в ряде случаев терминологическую интерференцию, иногда творческую интерпретацию известных идей. Вряд ли стоит, например, обозначать новым термином “культурные семы”, такую этнически значимую лексику, как например, /баранки, водка, самовар, кокошник и т. д./ . Наверное, научное осмысление указанных слов от этого не меняется. Использование же их анализа в лингвокультурологическом исследовании не всегда требует обязательной модернизации устоявшейся традиционной терминологии.

Отсюда вытекает другая трудность, которая сегодня встречается в современной лингвокультурологии. Возникшая в том числе и как реакция на проблемы современной лингвистики, связанные с изученностью основных грамматических, синтаксических сторон языка, эта научная дисциплина, не успев развиваться, сама начинает испытывать кризисные симптомы. Нередко не всегда успешные попытки выявить механизмы связи языка и культуры, не всегда оправданная модернизация традиционных научных позиций, терминологическая инвариантность, пока еще недостаточно разработанные идеи метаязыка — все это

свидетельствует о начавшихся трудностях современной парадигмы лингвокультурологических исследований.

Однако можно ли обвинять в этом исследователей-лингвокультурологов? Думается, нет.

Третья трудность лингвокультурологии заключается в том, что кажущийся, на первый взгляд, очевидным факт связи языка и культуры в действительности оказался более сложным с точки зрения выявления механизмов этой связи. Одновременное использование традиционной парадигмы исследований для решения задач лингвокультурологии оказалось недостаточно эффективным, малопродуктивным. Также стало очевидным и то, что механическое сочленение лингвистики и культурологии вряд ли сможет дать искомое качество, то есть создание “грамматики”, “морфологии”, “синтаксиса” метаязыка. При этом пока не ясно, каким образом и в какие сроки лингвокультурология будет преодолевать наметившиеся трудности. Во всяком случае перспективы, намеченные в статье И. Г. Ольшанского “Лингвокультурология в конце XX века: Итоги, тенденции, перспективы”, мало что проясняют и по своей сути являются своего рода “декларацией о намерениях”: “выявить глубинно-семантическую структуру и функциональное многообразие языковых единиц как знаков культуры”, “изучение языка в действии, связь знаний языка и его адекватного использования в коммуникации”, “получить культурно-языковую информацию как выводное значение” [16, с. 48].

Таким образом, на сегодняшний день назрела острая необходимость дальнейшего развития парадигмы лингвокультурологических исследований. Сложность задач, стоящих перед лингвокультурологией, не предполагает быстрых и легких решений. Но становится очевидным — традиционная парадигма исследований для понимания метаязыковых явлений в своем прежнем виде вряд ли пригодна. Не приведет к успеху и ее поверхностная модернизация.

Все вышеизложенное, возможно, не бесспорное, тем не менее необходимо учитывать в определении тем новых научных исследований в области лингвокультурологии.

Литература

1. Deutsch D. The Fabrik of Reality. N. Y., 1992.
2. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. М., 1997.
3. Воробьев В. В. Лингвокультурологическая парадигма личности. М., 1996.
4. Шаклеин В. М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста. — М.: 1997.
5. Толстой Н. И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса / Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Язык и этнос. Л., 1983.
6. См., например, Словарь древнерусского языка (11-14 вв.): В 10 т. / АН СССР Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. — М.: Рус. яз., 1988.

7. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: 1990.

8. Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик. Москва — 1999; Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: Концепция логоэпистемы. — М.: 2000; Прохоров Ю. Е. Лингвострановедение. Культуроведение. Страноведение. Теория и практика обучения русскому языку как иностранному. — М., 1988.

9. Воробьев В. В. Лингвокультурология. Теория и методы. М.: 1998; Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: 2001.

10. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста / структура и семиотика художественного текста. Тарту, 1981. — /Труды по знаковым системам. Вып. 12/.

11. Купина Н. А., Битенская Г. В. Сверхтекст и его разновидности / Человек — текст — культура / Под ред. Купиной Н. А., Матвеевой Т. В. Екатеринбург, 1994.

12. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / Фразеология в контексте культуры. М., 1999.

13. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: 2001.

14. Там же.

15. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры — М.: 1999.

16. Ольшанский И. Г. Лингвокультурология в конце XX в.: Итоги тенденции, перспективы / Лингвистические исследования в конце XX в. М., 2000.

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2004 г.

УДК 811:37.02

В. А. Маслова

“ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА” И “ПОЭТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА” И ИХ РОЛЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В данном докладе предпринята попытка не только определить, но дифференцировать концептуальную, языковую и поэтическую картины мира.

Хотя термин “картина мира” введен в научный обиход физиками на рубеже XIX – XX-го вв, в гуманитарных науках он возник в работах Л. Витгенштейна, который вполне осознавал метафоричность этого термина и подчеркивал его синонимичность психологическому понятию “образ мира”.